

Ковыляева Надежда Евгеньевна

ИГРОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПОСТМОДЕРНА

В статье рассматривается такая проблема, как игровое начало в искусстве постмодерна. Особое внимание уделяется анализу языкового материала, ведь язык, как сложная и разнообразная система, даёт широкие возможности для выражения людического. Игра является одним из важнейших компонентов современного искусства, так как позволяет реализовывать принцип разрушения стереотипа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 101-104. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматривается такая проблема, как игровое начало в искусстве постмодерна. Особое внимание уделяется анализу языкового материала, ведь язык, как сложная и разнообразная система, даёт широкие возможности для выражения людического. Игра является одним из важнейших компонентов современного искусства, так как позволяет реализовывать принцип разрушения стереотипа.

Ключевые слова и фразы: игра; людическое; постмодерн; языковая игра; разрушение стереотипа.

Надежда Евгеньевна Ковыляева

Кафедра русского языка и общего языкознания

Кабардино-Балкарский государственный университет

Kovilyaeva.nadya@yandex.ru

ИГРОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПОСТМОДЕРНА®

Как известно, в последнее время в литературе (во всех стилях речи) широкое распространение получило использование приема языковой игры, т.е. употребление языка в его людической, или игровой, функции. Игра – это, прежде всего, карнавализация [1, с. 64-98; 8, с. 29], снижение серьезности, высмеивание высокого и порой сакрального, это демократизация речи и поведения [14, с. 7-39]. Отмечено, что в игре «выражается избыток сил и веселость духа» [19, с. 61].

Все это в большой степени свойственно современной эпохе, дискурсу постмодерна, стиль которого многими исследователями признается игровым [3; 6; 7; 9; 13; 15; 20]. Игра как нетривиальное видение мира позволяет разрушить шаблонные модели восприятия и мышления. И. Ильин отмечал, что «для постмодернизма как художественного стиля характерны такие особенности, как... ироничность, игровой стиль, пародийное переосмысление традиций» [6, с. 117]. Под игрой нередко маскируется нечто важное, но не выраженное явно и открыто – автор хочет, чтобы мы сами нашли истину, разгадав его замысел (т.е. раскрыв «двойной код»). И. Скоропанова считает, что «постмодернизм, облекая все в игровую форму, нивелирует расстояние между массовым и элитарным потребителем» [15, с. 27-34]. «Игра – это способ существования в реальности и в искусстве», – подчеркивает Н. Лихина, когда говорит о произведениях нашего времени [9, с. 32-33].

Игра является важной составляющей структуры и поэтики постмодерна, с ее помощью авторы низвергают прежние «серьезные» идеалы, разрушают устоявшиеся стереотипы. Одним из ярчайших проявлений подобно игрового начала является игра с языковым материалом, языковой системой. Через языковую эксцентрику может выражаться ирония «по отношению ко всем проявлениям жизни» [7, с. 19-48]; с помощью языковой игры (ЯИ) выявляется истинная позиция создателя произведения, раскрывается авторская интенция. Необходимо отметить, что игра с языком, в отличие от банальных ошибок, – это сознательное нарушение каких-либо правил и принципов системы, нацеленное на то, что воспринимающий субъект распознает это отступление и сможет правильно его дешифровать. Ошибки, как правило, допускаются из-за незнания правил и не нацелены на достижение определенного прагматического эффекта [10].

Для ЯИ используют различные приемы, но все же самым распространенным является ироничное цитирование, переходящее в пародирование. Интертекст, пастиш и всевозможные аллюзии буквально пронизывают все произведение (достаточно вспомнить роман В. Ерофеева «Москва – Петушки»). Как отмечает В. Руднев, «в сущности, постмодернистская филология есть не что иное, как утонченный поиск цитат и интертекстов» [13, с. 236]. Заимствованный материал может изменяться, часто извлекается из естественного окружения.

1) *Дак на то он и поэт. Работа не из легких. «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды», – говорит Федор Кузьмич. Это он ради нас так изводится* [17, с. 56]. Как видим, в текст «добавляется» фрагмент произведения В. Маяковского (герои, однако, не знают, кому принадлежит авторство), причем делается это с явной иронией, что видно из переключки слов «изводит» – «изводится». Данная цитата вовсе не уместна в том контексте, в каком ее применяют герои, автор нарочно идет на допущение такого несоответствия, ведь подобная языковая игра как нельзя лучше раскрывает ситуацию и характеры. Автор дает понять, каким смыслом наполняют персонажи окружающее их бытийное пространство.

2) *Пользование механическим транспортом... за свой счет. Подпись... начальник канцелярии... Ха... Эм... Вий* [16, с. 97]. В данном примере мы видим, как благодаря интертексту (Н. В. Гоголь) и фонетическому созвучию (Ха Эм – хам) удалось добиться двойного комического эффекта, который раскрывается лишь после дешифровки, разгадывания игры, предложенной автором.

3) *Словом, как писал М. В. Ломоносов в своей оде «На взошествие когнитивности и прагматики»:*

«Открылась бездна, звезд полна.

Звездам числа нет, бездне – одна...» [12, с. 5].

Ода Ломоносова посвящена «взошествию» на престол императрицы Елизаветы Петровны, но отнюдь не прагматики, автор же, пародируя пафосную манеру данного произведения и используя «его» фрагмент

(отрывок взят из оды «Вечернее размышление о Божием величестве по случаю великого северного сияния») для описания не той реалии, которую оно выражало первоначально, иронизирует по поводу бурного увлечения упомянутыми науками, а также по поводу того, что сфера интересов данных наук – это, действительно, «бездна». Раскрытие смысла, заложенного в данной игре, приводит к усилению прагматического эффекта текста, делает отрывок более актуализированным и запоминающимся.

4) *В начале было слово. И это было хорошо. Из слов возникли тексты. И это было правильно. Потом выделили дискурс. И это было необходимо. Потом пришли лингвисты и все запутали.*

Сб. «Новое в лингвистике». II век до н.э. [Там же, с. 6].

Как и в предыдущем примере, автор, пародируя, обыгрывая широко известные прецедентные тексты (в данном случае Евангелие и «Новое в лингвистике»), показывает свое ироничное отношение к тому, о чем пишет, причем эту иронию смело можно назвать самоиронией, ведь автор и занимается проблемами различения текста и дискурса.

5) *Помни, Веничка, об этих часах. В самые восторженные, в самые искромлетные дни своей жизни – помни о них. В минуты блаженства и упоений не забывай о них* [5, с. 134]. Слова из произведения И. С. Тургенева, посвященные русскому языку, будучи вплетены в контекст, в котором повествуется о жестоких хмельных муках, приобретают совершенно иной смысл и имеют прагматическое воздействие, противоположное тому, какое было в оригинальной версии.

Нельзя все же сказать, что постмодернистское произведение – это простой, случайный и не связанный между собой набор цитат, что постмодерн потому и использует цитаты, что не может сам создать ничего нового и оригинального. Напротив, в подобном цитировании создается уникальный и неповторимый мир с новым кодом, по форме напоминающим старый, но наполненный совершенно новым смыслом, для разгадывания которого не подойдут «ключи» прежней семантики: «подход постмодернизма по сути своей не равнозначен призыву к эклектичному цитированию и использованию легко заменяемых декораций. Напротив, требуется, чтобы отдельные единицы-слова не звучали подобно словесным обрывкам, но наглядно представляли логику и специфические возможности того или иного используемого языка. Только тогда выполняется постмодерный критерий многоязычия, а в противном же случае мы получим неорганизованный хаос» [2, с. 121].

Отметим и тот факт, что в постмодернизме свободно сочетаются любые художественные стили прошлого, в нем можно видеть сплав, сращение признаков, приемов, особенностей совершенно разных текстовых реалий. Как отмечает Г. Ермилова [4], налицо жанровый и стилевой синкретизм; смешиваются высокое и низкое, элитарное и маргинальное, запретное и разрешенное.

1) *Глядишь, через тыщу-другую лет вы наконец вступите на цивилизованный путь развития, язви вас в душу, свет знания развеет беспробудную тьму вашего невежества, о народ жестоковыйный, и бальзам просвещения прольется на заскорузлые ваши нравы, пути и привычки* [17, с. 198]. В данном отрывке видим смешение высокого художественного слога с просторечными и даже грубыми выражениями. Автор нарочно придал большую пафосность тексту, чтобы контраст стилей был как можно более очевиден, и именно данный контраст подчеркивает, что такое смешение не просто случайность или ошибка, но умысел, нацеленный на достижение определенного прагматического эффекта (налицо языковая игра).

2) *Так что автор также смело может позволять себе использовать в работе некоторые подозрительно русские слова типа «дискурс», «вербальный» и, извините, «когнитивность»... Ну не может он устоять перед желанием прислониться к высокому, пусть и в мокроступах!..* [12, с. 4]. Нужно отметить, что здесь мы имеем дело с научным стилем (учебное пособие), а он, как известно, строго регламентирован, не допускает выражения излишних эмоций и иронии, которые вовсе не редкость в разговорном, публицистическом или художественном стилях. В рассматриваемом же примере мы видим и иронию, и юмор, выражаемые лексикой, не свойственной научному стилю. Языковая игра заключается именно в нарушении дискурса научного стиля, во внесении элементов, которые по правилам не должны употребляться в данном контексте. Подобный «неправильный» (с точки зрения научного стиля изложения) отрывок обладает гораздо большей выразительностью и экспрессивностью, нежели обычные научные тексты, построенные по определенным канонам.

В постмодернистских произведениях авторы часто пользуются такими приемами ЯИ, как каламбур, неоднородное перечисление, фоническая переключка и т.д. Читатель втягивается в процесс игры (читательское сотворчество), начинает решать языковую головоломку и, наконец, находит то, что скрыто – смысл и авторскую интенцию.

1) *Просыпаясь, первым делом*

Обещай не начинать

Ничего того, что будешь

Продолжать сегодня ты.

Перед сном проси прощенья

И не делать обещай

Ничего того, что делал

Ты сегодня целый день.

Просыпаясь, первым делом

Обещай не продолжать...

Перед сном проси прощенья

И не делать обещай... [11].

Подчеркнутое, ритмизованное употребление таких аналогичных, перекликающихся фраз, как «обещай не начинать», «не делать обещай», «обещай не продолжать», создает каламбур, который доносит до нас смысл, не выраженный открыто, но подразумеваемый: дети будут делать то, что им хочется, несмотря на запреты, уговоры и назидания, причем очень упорно и с завидным постоянством.

2) *Если вы с утра решили*

Хорошо себя вести,

Смело в шкаф себя ведите

И ныряйте в темноту... [Там же].

Каламбур в этом отрывке создается за счет сочетания выражений «вести себя» и «вести себя в шкаф». Семантически слово «вести» в двух выражениях не совпадает, поэтому они не могут быть соотнесены друг с другом, однако автор осознанно допускает «ошибку», предполагая, что читатели поймут, с какой целью это делается. Нужно отметить, что и предложение «в шкаф себя ведите» является языковой игрой, ведь вести можно кого-либо или что-либо, но не самого себя.

3) *– Я сюда, кажется, взбежал. Или вскочил... С разбегу!*

– По-моему, ты вскочил не с разбегу, а с перепугу... [Там же]. «С разбегу» и «с перепугу» не могут быть употреблены в одном ряду, их объединение нарушает логическую однородность перечисления, но именно этого и хочет добиться автор – для привлечения внимания и усиления комического эффекта.

4) *– Придется пройти, – сказал наконец милиционер.*

Мы прошли. Пока мы проходили, в толпе было создано несколько вариантов моей нелегкой биографии [16, с. 78]. В данном примере автор расширяет парадигму употребления профессионального выражения «придется пройти» – в нее включается прошедшее и настоящее время основного глагола, что является нарушением прагматически заданных правил употребления этого профессионализма. Но автор сознательно стремится нарушить эти правила, чтобы придать тексту комизм и снять напряжение, которое невольно возникает при употреблении подобных сочетаний.

5) *Я был далек от психологии «подумаешь-эканевидаль»* [Там же, с. 54]. Игра заключается в том, что словосочетание преобразуется в одно слово.

6) *Вы, извиняюсь, это... хам-мункулс?* [Там же, с. 86]. Для создания комического эффекта автор дробит слово («гомункулус») на части, и одна из них фонетически соотносится совершенно с другим понятием.

То же можно сказать и про следующий пример, в котором аббревиатура «НИИЧАВО» (Научно-исследовательский институт Чародейства и Волшебства) говорит сама за себя.

7) *На вывеске было написано: «АН СССР НИИЧАВО»* [Там же, с. 93].

8) *А третьим шел товарищ завкадрами гражданин Демин Кербер Псоевич* [Там же, с. 196]. Языковая игра, как и в предыдущих случаях, образуется за счет фонетической переклички слов (Псоевич – пес), а также за счет шуточной аллюзии (Кербер – Цербер). Сочетание «Кербер Псоевич» является, по сути, тавтологическим, но эту тавтологию нарочно допускает сам автор, чтобы еще более усилить комизм.

9) *– Дай суп.*

– Вот суп.

– Суп – крут?

– Крут плюс...

– Суп не крут.

– Нет? Как не крут? Ну, клёв.

– Не клёв. Суп – вон.

– Что ж... С вас бакс.

– Пшел в пень! Вот руп плюс [18, с. 59]. Обыгрыванию подвергается звуковая оболочка слов. Нагнетание звуков – аллитерация и ассонанс – создает яркий, запоминающийся образ, благодаря которому передается авторская интенция (в данном случае – выражение иронии и сожаления).

Как видим, игра на страницах постмодернистской литературы, действительно, не является редкостью. Она служит и украшением речи, и способом создать особый, неповторимый язык (мегаязык постмодерна), с помощью которого строится новая реальность, не соотносимая с прежними представлениями о мире. Игра – одна из важнейших категорий современного искусства, позволяющая выводить его за рамки обыденного и тривиального, того, что укладывается в привычные схемы.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Вельш В. Постмодерн: генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109-136.
3. Емелин В. А. Постмодернизм: в поисках определения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pergam-club.ru/node/1662> (дата обращения: 15.09.2012).
4. Ермилова Г. И. Постмодернизм как феномен культуры конца XX века [Электронный ресурс]. URL: http://mrsteliver.at.ua/news/ermilova_g_i_postmodernizm_kak_fenomen_kultury_konca_khkh_veka/2010-06-30-46 (дата обращения: 17.09.2012).
5. Ерофеев В. В. Москва – Петушки. М.: Альфа-книга, 1999. 497 с.
6. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 256 с.

7. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 255 с.
8. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М.: Златоуст, 1999. 280 с.
9. Лихина Н. Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: постмодернизм. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1997. 60 с.
10. Мистюк Т. Л. Термин «речевая ошибка» в современной практике преподавания русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 90-92.
11. Остер Г. Б. Собрание произведений [Электронный ресурс]. URL: <http://vipbook.info/hudozh/fairytales/67638-sobranie-proizvedenij-g-ostera.html> (дата обращения: 20.07.2012).
12. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта, 2006. 221 с.
13. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
14. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 541 с.
15. Стропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта, 2001. 608 с.
16. Стругацкие А. Н. и Б. Н. Понедельник начинается в субботу. М.: АСТ, 2008. 330 с.
17. Толстая Т. Н. Кысь. М.: Эксмо, 2011. 368 с.
18. Толстая Т. Н. Не кысь. Рассказы. М.: Эксмо, 2003. 480 с.
19. Хализев В. Е. Драма как род литературы. М.: Издательство МГУ, 1986. 260 с.
20. Цурнина И. В. Социально-политический контекст философии постмодернизма. М.: Мысль, 1994. 116 с.

GAME REALITY OF POST ART NOUVEAU

Nadezhda Evgen'evna Kovylyayeva

Department of Russian Language and General Linguistics

Kabardino-Balkaria State University

Kovylyayeva.nadya@yandex.ru

The author considers such problem as game origin in the art of post art nouveau, pays special attention to the analysis of language material, because language as a complex and diverse system provides ample opportunities to express ludic, and comes to the conclusion that game is one of the most important components of modern art, as it allows implementing the principle of stereotypes destruction.

Key words and phrases: game; ludic; post art nouveau; language game; stereotypes destruction.

УДК 371.322.2:81'366

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме морфемного разбора слова на уроках русского языка в контексте формирования языковой и коммуникативной компетенций учащихся 4-5-х классов. Основное внимание автор уделяет описанию лингвометодических принципов и приемов морфемного разбора слова в условиях реализации компетентностного подхода в языковом образовании школьников.

Ключевые слова и фразы: языковое образование; компетентностный подход в обучении; языковая компетенция; коммуникативная компетенция; морфемный разбор слова.

Марина Михайловна Козлова

Кафедра педагогики и методики начального образования

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

kozlovavn@mail.ru

МОРФЕМНЫЙ РАЗБОР СЛОВА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ 4-5-Х КЛАССОВ®

В условиях гуманизации современного школьного образования усиливается личностно-развивающая функция языка, более четко выраженной становится коммуникативно-речевая направленность в обучении русскому языку школьников. Категория «языковое образование» расширяет традиционное содержание.

«Есть все основания, с одной стороны, рассматривать языковое образование как лингвометодическую категорию с присущими ей дидактическими признаками, с другой – подойти к ней в русле современной трактовки “языковой личности” и рассматривать языковое образование с точки зрения готовности ученика к полноценной речевой деятельности. Оба аспекта не противоречат друг другу, а, напротив, взаимодействуют», – пишет Е. Д. Божович [2, с. 38].

Характеризуя систему языкового образования, в лингводидактике выделяют цели, содержание, методы обучения, организационные формы, методические условия. Языковое образование как результат учебно-познавательной деятельности, по определению Т. Г. Рамзаевой, предполагает «определенный уровень владения